

foreign sciences]. Zmogus ir zodis, issue: Literatūrologija: Mokslo darbai. Vilnius: VPU leidykla, 2007, pp. 21–26.

7. Tolstoj L. N. Vojna i mir [War and peace]. Moscow: Leksika publ., 1996. Available at: <http://ilibrary.ru/text/11/p.119/index.html>.

8. Haminova A. A., Zil'berman N. N. Teoriya intermedial'nosti v kontekste sovremennoj gumanitarnej nauki [Theory of intermediality in the context of modern humanities]. Tomsk: TSU publ., 2014, pp. 38–45.

9. Schröter J. Intermedialität [Intermediality]. Available at: http://www.theorie-der-medien.de/text_detail.php?nr=12.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЛЬВА РУБИНШТЕЙНА

Романовская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: volga75sky@mail.ru.

Автор статьи анализирует композиционные и повествовательные особенности мемуарно-автобиографической книги Льва Рубинштейна «Целый год. Мой календарь». В центре внимания – «симфоническое» звучание множества голосов. Анализ их взаимодействия обнаруживает сложное отношение к прошлому: от сентиментально-лирической попытки воссоздать его в мелочах до иронического и саркастического осмысления детства и юности на фоне «большой» истории. Сделан вывод о том, что повествовательная стратегия Рубинштейна в книге «Целый год» реконструирует динамику взаимодействия разных языков эпохи и коллективный опыт переживания истории.

Ключевые слова: Лев Рубинштейн, автобиография, повествование, рассказчик, многоголосие

LEV RUBINSTEIN'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

Romanovskaya Olga E., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishcheva st., , e-mail: volga75sky@mail.ru.

The author analyzes compositional and narrative features of Leo Rubinstein's memoir "The whole year. My calendar." The author focuses in the "symphonics" of many voices. The analysis of many voices interaction reveals a complex attitude towards the past: from a sentimental lyrical attempt to recreate the details of the past to an ironic and sarcastic understanding of childhood and juvenility against the backdrop of a "big" history. The article concludes that Rubinstein's book narrative strategy reconstructs interaction dynamics between era's different languages and collective experience of history relive.

Keywords: Lev Rubinstein, autobiography, narration, narrator, many voices

В книге «Целый год. Мой календарь» Лев Рубинштейн модифицирует структуру каталога или стихов на карточках, авторского жанра, с которым он вошёл в литературу в 1970–1980-х годов. Прозаический текст имитирует структуру отрывного календаря, на листах которого зафиксированы месяц, число, год и событие, связанное с отмеченной датой. Необычна хронология календаря: за описанием ежегодного Дня независимости Камеруна, празднуемого 1 января, следует 2 января 1649 года – день триумфальной встречи Богдана Хмельницкого в Киеве, а затем 3 января 1888 – дата, когда была запатентована соломинка. В «календаре» упомянуты события, разбросанные во времени и пространстве, имеющие различные значение и масштаб. В комментариях-воспоминаниях представлена автобиографическая фабула, она

дискретна и соотносится с «большой историей», которая пунктирно намечена до 31 декабря 1999.

Триста шестьдесят шесть графически одинаково оформленных страниц предваряет вступление «Времена года». Оно содержит традиционное для мемуаро-автобиографической прозы размышление о том, что «настоящему реально лишь наша память, умеющая выдёргивать из мутного потока бытия абсолютно бесполезные и абсолютно драгоценные детали», «что время ненадежно и капризно..., оно скачет то туда, то сюда», а «совершенномудрый не удивляется ничему, кроме смены времён года» [3, с. 8–9]. Вступление манифестирует ценность индивидуальных воспоминаний, «мелочей нашей жизни» [3, с. 8], оно становится своего рода камертоном, настраивает читателя на сентиментально-лирическую интонацию, которая действительно присутствует в книге, но наряду с другой, более характерной для писателя-концептуалиста, – иронической.

Структурообразующим повествовательным принципом книги является многоголосие, характерное и для каталогов Льва Рубинштейна, где субъектные формы воплощения авторского сознания редуцированы, и автор выступает в функции режиссёра, определяющего последовательность неатрибутированных реплик. В книге «Целый год. Мой календарь» появляется автобиографический рассказчик. Его слово, безличные высказывания, голоса знакомых и родных – все это элементы сложной повествовательной структуры, соотносимые с определёнными стилями. В календарных записях воспроизведён *официально-нейтральный стиль*:

«январь

8

1959

Шарль де Голль становится президентом Французской Республики»
(здесь и далее выделено автором – Р.О.)

«март

16

1831

Увидел свет роман Гюго "Собор Парижской Богоматери"»

«апрель

18

1923

В СССР создано московское пролетарское спортивное общество "Динамо"»

«май

24

1900

В Петербурге спущен на воду крейсер "Аврора", будущий символ Октябрьской революции».

Интимно-автобиографический стиль представлен комментариями рассказчика. «Я собирал марки. Самыми ценными в те годы были "колонии". Потом стали исчезать сами колонии, а марки ещё какое-то время украшали наши коллекции» [3, с. 13]. *Пародийный* – определяет характер квазицитат: «Туман, изморось, бешено колотится сердце, и острый запах прелой соломы не даёт заснуть...» [3, с. 15]. В высказываниях вторичных нарраторов и текстах современного городского фольклора, как правило, использован *разговорный стиль*.

Резонанс стилей и соответствующих им голосов в симфонической структуре текста создаёт скрытый сюжет произведения.

Как правило, личные воспоминания дополняют нейтральное сообщение. От крупного, общественно-исторического рассказчик переходит к частному, семейному, личному, метонимически представленному незначительной

подробностью, «бесполезной и абсолютно драгоценной деталью». Отсюда – фоновый сентиментально-лирический пафос.

«Январь

4

1896

Юта стала 45-м штатом США.

Ютой звали дворняжку, жившую в доме моей подружки Тани Сидоровой. Она, то есть дворняжка, была старая и хромая. Вот запомнил почему-то» [3, с. 16]. «Старая и хромая» собака, никому не принадлежащая дворняжка, пробуждает жалость. Эмоция, сохранённая памятью, позволяет подробно воссоздать прошлое. В данном случае автор максимально близок традициям автобиографической прозы XX века с её тенденцией к ассоциативному восстановлению деталей, извлекаемых из «потока памяти».

Память рассказчика ассоциативна, а его сознание критично, поэтому многие события, о которых сообщает календарь, иронически переосмыслены. К примеру, открытие Большого театра, состоявшееся 18 января 1825 года, сопровождается воспоминаниями в духе зощенковской «Аристократки» и завершают слова: «г...но, а не театр». Этот тип корреляций разрушает мягкую сентиментальность и обнаруживает в образе рассказчика черты ироничного скептика. Информация из области истории или культуры, окарикатурируется житейской ситуацией, пародийные уподобления вызывают комический эффект:

«Март

3

1875

Состоялась премьера оперы Жоржа Бизе "Кармен"

Далеким зимним утром из кухни с только что закипевшим чайником в руке выходит Клавдия Николаевна в халате и разношенных кожаных тапочках, громко и страстно выводя «Меня не любишь, но люблю я. Так берегись любви моей». Парам-пам-пам...» [3, с. 81]. Житейское и бытовое в образе Клавдии Николаевны (чайник, халат, тапочки) рассказчик укрупняет, усиливая комизм ситуации.

Рассказчик уравнивает подробности частной жизни с историческими событиями, знаменитых людей – с безвестными. Так, Указ Петра I «О соблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывании сору и всякого помету на улицы и переулки» вызывает в памяти образ дворника Фариды, который никогда не убирал «между сараем и ржавым гаражом». Китайская терракотовая армия напоминает об игре цветными пробочками от одеколona в солдатики, день рождения модельера Ива Сен-Лорана – о глухой портнихе Татьяне, обшивавшей «весь дом».

Важным источником цитирования в «календаре» становится современный городской фольклор, отражающий механизм восприятия фактов истории массовым сознанием. Рассказчик включает в текст строчки из песен: «Колумб Америку открыл – страну огромную, чужую. Дурак! Зачем он не открыл на нашей улице пивную?» [3, с. 257], поговорки: «Он такой же специалист, как я японский император» [3, с. 19], народное мифотворчество: «...во дворе сидел на шаткой табуретке дядя Сережа и рассказывал окружившим его ребятам, что немецкая фашистка Каплан застрелила Ленина по заданию немецкого еврея Троцкого» [3, с. 285], окказиональные высказывания: «Эх, и тяжелая ты, музыка Шопена» (слова грузчика, поднимающего рояль на пятый этаж) [3, с. 378]. Открытие Америки, провозглашение нового японского императора, покушение на Ленина, музыка Шопена – явления, значение и смысл которых народное сознание упрощает.

Смысловые трансформации, происходящие в массовом сознании, обнаруживает искажение орфоэпических и грамматических норм. Площадь Дзержинского превращается для соседки Нины Николаевны в «площадь

Здержинского», в стихотворении новоявленного народного поэта звучит строчка «Вот день настал и на суде народов / предстали члены от зачинщиков войны» [3, с. 339], правописание прилагательного «датский» обсуждается киномехаником и дворником, которые выбирают между «дадский», «данийский» и приходят к компромиссному «данский», а учительница Мария Васильевна исправляет «аттракцион» на «антракцион», «парашют» на «парашут» и «выходит в замуж». Рассказчик выделяет чужую речь, используя кавычки, и таким образом дистанцируется от неё.

В то же время массовое сознание остроумно и сиюминутно откликается на актуальные общественные и политические события: «Лучше быть членом Босха, чем членом МОСХа» [3, с. 263]; «Приехал Нето, а уехал брутто» (о смерти в Москве первого президента Анголы Агостиньо Нето) [3, с. 299]. Рассказчик, цитируя обрывки фраз, чужие реплики, фрагменты народных песен, поговорки и присловья, обнаруживает многообразие форм выражения народной мудрости («насмудов»). Он занимает позицию наблюдателя. В эссе «Куры авторские» Рубинштейн отмечает, что «автор в новом понимании – это, если угодно, фольклорист – собиратель, систематизатор, комментатор» [2, с. 11].

Несколько иначе выстраиваются смысловые отношения между календарными сообщениями и псевдоцитатами, которые пародируют нейтральный книжный стиль, лишённый индивидуальных примет, усреднённый. Для поэтики Льва Рубинштейна обращение к этому стилю – повторение пройденного. Ставшие классикой отечественного постмодернизма стихотворения-каталоги «Всюду жизнь», «Появление героя», «Сонет 66» исследователи называют «самочинным диалогом неперсонифицированных голосов-персонажей», они состоят из фрагментов, «материализованных в голосах-мнениях, безличных мыслеформах, неизвестно кому принадлежащих фразах» [1, с. 235], а также из прозаических отрывков, пародийно воспроизводящих стилевую безликость прозы соцреализма. Значение псевдоцитат в стихотворениях-каталогах актуализировано контекстом, записями на ближайших карточках. В книге «Целый год» соотношение календарного текста и псевдоцитат подчёркивает различие стилевых регистров употребления одного и того же слова или семантически близких слов:

«Январь

3

1888

**Американский предприниматель Марвин Стоун запатентовал
соломинку для коктейлей.**

«Туман, изморось, бешено колотится сердце, и острый запах прелой соломки не даёт заснуть...» [3, с. 15]. Эмоциональная нейтральность выделенной части, её псевдоэнциклопедический стиль контрастирует с «деревенским» колоритом последующего фрагмента. «Соломинка» и «солома» становятся метонимическим обозначением разных миров, существовавших одновременно, но не пересекавшихся и как будто бы параллельных друг другу: урбанистического, рождённого цивилизацией мира роскоши, ассоциацию с которым вызывает упоминание коктейлей, и идиллического мира деревенской жизни в зарисовке, пародирующей советскую прозу и моделируемый ею мир, почти ничего общего не имеющий с действительностью.

Корреляции между высказываниями основаны на актуализации постмодернистских принципов нонселекции и деиерархии, в контрастных контекстах писатель-постмодернист пытается найти общее при очевидной разнице между ними. Этим общим становится слово, кочующее из одного дискурса в другой, например, из публицистического в условно-поэтический:

«Январь

21

1921

**Владимир Ленин в газете "Правда" впервые употребил фразу
"руководящая роль партии".**

...Всё когда-то бывает впервые – / И любовь, и шары золотые, / И шаги
за неведомым вслед, / Летней рощи зелёный привет...» [3, с. 33].

Рассматривать «Целый год» как попытку создания мемуарно-автобиографического повествования возможно только с учётом того, что на первый план в нём выдвинуто «звучание эпохи». В мировосприятии рассказчика акцентирован акустический аспект: впитавший в себя окружающую полифонию, он особенно чуток к произнесённому слову, зафиксировать и передать которое становится его главной задачей. Личность рассказчика, традиционно выдвинутая на первый план, раскрывается в новом аспекте. «Субъект появляется в нео- (или квази?) автобиографической прозе Рубинштейна не как самоценно-уникальная точка зрения (как, скажем, в модернизме), а как русло языков (формирующих многочисленные реальности) и как источник рефлексии по поводу взаимоотношений между языками и реальностями» [2, с. 18–19].

За эксплицитным сентиментально-лирическим переживанием навсегда ушедшего прошлого, за календарным антуражем, автобиографическим контуром книги – «скрытый» сюжет «Целого года» – воссоздание советского прошлого как хора резонирующих высказываний, публицистических, научных, художественных, разговорных, в основе своей миромоделирующих, продуцирующих «гиперреальность симулякров». Переход от сентиментального лиризма интимно-личных эпизодов к описанию коллективного опыта переживания действительности, «симфонический» принцип повествовательной организации текста значительно расширяют панораму художественной реальности. Автор выходит за жанровые рамки автобиографии: эпизоды из жизни родственников, друзей, знакомых и незнакомых людей по объёму конкурируют с фрагментами его биографии, автобиография превращается в историю жизни послевоенного поколения.

Список литературы

1. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 320 с.
2. Липовецкий М. Н. Дело в шляпе, или Реальность Рубинштейна / М. Н. Липовецкий // Рубинштейн Л. Погоня за шляпой и другие тексты. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 7–26.
3. Рубинштейн Л. Целый год. Мой календарь / Л. Рубинштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 440 с.

References

1. Vasiliev I. E. Russian poetic avant-garde of the XX century. Ekaterinburg: Publishing house Ural. UN-TA, 2000. 320 p.
2. Lipovetsky M. N. The matter is in the hat, or the reality of Rubinstein // Rubinstein L. The pursuit of a hat and other texts. Moscow: New literary review, 2013, pp. 7–26.
3. Rubinstein L. The whole year. My calendar. Moscow: New literary review, 2018. 440 p.